

Мэн Ци пока не нашёл способа возразить, и оставалось только ему меняться.

... Песчанку можно было спрятать за пазухой, но что делать с рыбой?

Кто будет таскать за собой живую рыбу в пути, да ещё и с аквариумом?

Мэн Ци раздражённо размышлял: оба они духи горы, но почему их первоначальные формы так сильно отличаются?

Шерсть песчанки стала немного длиннее.

Хотя она и не ела ничего особенного, но ежедневный сон, лекарства и лепёшки всё же оказывали на неё влияние.

Кроме того что шерсть стала более пушистой, а сама песчанка казалась толще, от неё ещё и исходил сильный запах лекарств.

Это была песчанка, пропитанная запахом лекарственных снадобий. Мо Ли приблизился, чтобы понюхать, и убедился, что запах исходил именно от неё. Ему стало странно, ведь от самого Мэн Ци такого сильного запаха не было.

Когда лекарь Мо приблизился, песчанка замерла.

Её глаза уставились на приближающееся лицо с прямым носом и полными губами...

Обычно на лицах людей есть какие-то родинки или пятна, но у Мо Ли их не было.

На самом деле у Мэн Ци их тоже не было, ведь они не были людьми. Их человеческий облик был лишь формой, и они не уделяли этому особого внимания. Ведь при превращении они просто думали, что быть человеком удобно, и не углублялись в детали.

Волосы могли становиться седыми, на лице могли появляться морщины, они могли принимать облик юноши или старика.

Но даже в старости на лице государственного наставника Мэн не появлялось старческих пятен.

Мэн Ци хорошо помнил это. В своё время старые друзья подшучивали над ним, подозревая, что он практиковал легендарный детский гун, благодаря которому выглядел моложе своих лет, даже старея. Хотя он и не был даосом, его облик был полон бессмертной аурой. Действительно, став государственным наставником, он выглядел как государственный наставник.

Император Юань из династии Чу отправлял людей выяснять, принимал ли Мэн Ци какие-то эликсиры.

Мэн Ци был недоволен, но вопросы жизни и смерти всегда волновали людей, и Ли Юаньцзэ тоже постарел.

Теперь, вспоминая это, Мэн Ци сожалел.

Ведь император Юань обычно вёл себя настолько обыденно, не проявляя интереса к поискам бессмертия или приготовлению эликсиров, а его подданные не кичились своими заслугами. Отношения между правителем и министрами в династии Чу были примером гармонии: правитель был добродетелен, а министры знали своё место.

Дело было не в том, что более десятка основателей династии сохраняли свои принципы и не имели иных замыслов, а в том, что такова была общая тенденция.

Правитель был мудр, и даже если у подданных были амбиции, они должны были взвешивать их осуществимость.

Даже сейчас Мэн Ци не мог быть уверен, что если бы на троне был кто-то другой, результат был бы таким же.

Возможно, он был бы даже хуже, чем при Ли Юаньцзэ. По крайней мере первые несколько десятилетий правления Ли Юаньцзэ были вполне достойными, и он делал всё, чтобы никто не мог найти в нём изъяна. Возможно, перед смертью этот император изменился, или, может быть, он всегда был таким. Кто знает, что на уме у человека?

Песчанка размышляла, зевнула.

Не нужно было идти пешком, она лежала в объятиях лекаря, и делать ей было нечего, кроме как спать.

Мо Ли заметил, что на этот раз песчанка была особенно спокойна: не шевелилась и не оглядывалась по сторонам. Он не мог успокоиться и, пройдя некоторое расстояние, вынул бамбуковый контейнер, чтобы посмотреть. Внутри он увидел лишь белый пушистый комок — голову было не разглядеть.

Если бы она так спала, то могла бы задохнуться от собственной шерсти.

Мо Ли поспешно вынул песчанку из контейнера, что оказалось непросто.

Песчанка не проснулась, её голова инстинктивно прижалась к ладони Мо Ли, а тело

расслабилось.

Лекарь Мо с неоднозначными чувствами убрал контейнер, позволив толстой песчанке продолжать спать у него на груди.

Если бы первоначальная форма Мэн Ци была немного крупнее, Мо Ли не пришлось бы так заботиться о ней. Теперь же он почему-то ухаживал за песчанкой и делал это с особой лёгкостью. Мо Ли считал, что это просто привычка. На горе Цимао он выращивал женьшень, лис и питонов, а песчанка была меньше их всех и доставляла меньше хлопот.

Белый женьшень нужно было поливать, пропалывать, а иногда и ловить насекомых.

Толстая песчанка сама пила воду и грызла лепёшки, только во сне её лапки становились беспокойными.

Дела странствующего лекаря шли не очень хорошо.

В городке Сяосин Мо Ли не встретил ни одного пациента, и на протяжении всего пути никто не окликал его.

Зато на дороге становилось всё больше странников, которые несли с собой оружие и с энтузиазмом обсуждали свои приключения. Среди их рассказов были и истории о встречах с необычными людьми.

Мо Ли даже услышал истории о себе и Мэн Ци.

Их описывали как неизвестных отшельников, чей цин-гун достиг невероятных высот, и кто, подобно призракам, исчезал в мгновение ока. Если бы они хотели кого-то убить, жертва даже не успела бы понять, что произошло.

Эти рассказы были настолько красочными, что в них добавляли множество выдуманных деталей.

Их одежда была необычной, а характер странным, словно они были духами из лесных легенд, которые вели себя как учёные мужи в глуши.

Когда их замечали, они исчезали без следа, оставляя за собой ауру таинственности.

Мо Ли...

Как лекарь он не стал знаменит, но после того как он с Мэн Ци поел лепёшек и убежал, их

слава разнеслась далеко. Многие теперь с интересом обсуждали этих двух таинственных мастеров.

На обочине дороги у чайной лавки кто-то говорил об этом, у колодца в придорожной гостинице тоже упоминали их.

Один человек, услышав это, рассмеялся:

— Это просто самозванцы, которые пытаются привлечь внимание своей загадочностью. Они вовсе не мастера, а всего лишь воры с хорошим цин-гуном.

Того, кто произнёс эти слова, Мо Ли как раз знал.

Это был молодой господин Цзиньфэн. Он держал в руке веер, а вокруг него толпилась свита. Даже отдыхая у чайной лавки, его слуги вытирали стол, стелили мягкие подушки, ставили курильницу и готовили чай, который подавали в белых чашках из официальной печи.

Мало кто в мире странников мог позволить себе такую роскошь.

Поместье Золотого Феникса было не только богатым, но и обладало большим влиянием. Все, кто отдыхал в придорожной гостинице, не решались перечить ему и поспешно уходили.

Мо Ли поправил шляпу на голове. Он не хотел раскрывать свою личность, ведь история о том, как молодой господин Цзиньфэн встретил таинственных мастеров, уже стала широко известна.

Мо Ли опустил голову, слегка сгорбившись.

Он думал, что ведёт себя незаметно, но сейчас ещё не закончился первый месяц года, и на дорогах не было торговых караванов, да и путешественников было мало. Лишь изредка встречались местные жители, шедшие в гости с большими сумками, которые пугались, увидев странников с оружием. Как же странствующий лекарь мог быть таким смелым?

Молодой господин Цзиньфэн внимательно посмотрел и почувствовал неладное.

Господин Цинь учил Мо Ли очень хорошо, и тот был подобен нефриту — благородным и утончённым. Годы привычки не так легко скрыть, и они всегда проявлялись.

В этом отношении Мо Ли уступал Мэн Ци.

Опыта у него было меньше, и он не мог притворяться кем угодно.

Молодой господин Цзиньфэн, хотя и был странником, происходил из знатной семьи. В его глазах Мо Ли был как жемчужина среди камней — слишком заметной.

Он бросил взгляд вправо, и один из его слуг почтительно подошёл.

— Этот лекарь подозрителен, приведите его ко мне, — тихо сказал молодой господин.

Итак, Мо Ли остановили люди из Поместья Золотого Феникса.

— Мой господин приглашает лекаря.

Мо Ли почувствовал, как молодой господин Цзиньфэн смотрит ему в спину, и не знал, что сказать.

Он сменил одежду, слегка сгорбился, надел шляпу, и теперь его фигура отличалась от той, что была в тот день. К тому же они виделись лишь однажды, и молодой господин мог его не узнать.

— Я всего лишь лекарь, не странник, и не знаю...

Мо Ли начал отказываться, но молодой господин уже нетерпеливо громко сказал:

— Что такое? Разве странствующий лекарь не лечит людей? У вас слишком высокомерный вид, даже я не могу вас позвать?

— У господина нет болезни, — уверенно ответил Мо Ли, ведь в тот день, когда он запечатывал акупунктурные точки, он осмотрел его.

Молодой господин Цзиньфэн рассмеялся от злости и холодно произнёс:

— Есть у меня болезнь или нет, это ты решаешь? Я говорю, что болен, значит болен! Снимите с него шляпу и поверните ко мне лицо!

[Авторское примечание: Мо Ли... Разве жить плохо? P.S. Неудачник — это игра слов, означающая «неудачливый» или «неуклюжий».]

Мо Ли не мог понять, то ли ему не везёт, то ли молодой господин Цзиньфэн сам накликал беду.

Почему среди всех людей он выбрал именно его? Неужели это так называемая несовместимость по судьбе?

Слуги из Поместья Золотого Феникса подошли и протянули руку, чтобы схватить его.

Этот человек использовал хитрый приём захвата, и если бы он приложил чуть больше силы, сустав бы вывихнулся. Но сейчас, будь то из-за осторожности или проверки, он действовал сдержанно.

Мо Ли легко заблокировал приём, и человек поспешно отступил.

<http://bllate.org/book/15299/1351873>